

УДК 342

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Юрий В. Ким¹,[®]¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6[®] Yu_kim@mail.ru

Поступила в редакцию 21.07.2016 г.

Принята к печати 28.09.2016 г.

Ключевые слова: демократия, государство, политика, власть, коллективность, идеал, традиция, цель, метод.

Аннотация: В статье анализируются современные подходы к пониманию сущности демократии и тенденции ее развития. Как показывает опыт научных исследований и конкретная политическая практика, относительно демократии сформировалось множество теорий и подходов. При этом не выработано какой-то единой доктрины или универсального определения. Это объясняется исключительной сложностью демократии как социального, политического и правового явления. Основное внимание автора сосредоточено на характеристике демократии как метода управления, реализуемого в условиях человеческой коллективности. С этой стороны демократия выступает в качестве уникального механизма согласования отдельных волей индивидов и принятия коллективных решений, который сформировался в древнем обществе и воспроизводится человеческой цивилизацией на всем протяжении ее исторического развития. При этом не существует универсальных параметров демократии, пригодных во все времена и для разных обществ. Качество демократии и ее действительная социальная ценность обусловлены уровнем гражданской зрелости конкретного исторического общества.

Для цитирования: Ким Ю. В. Демократический идеал и демократическая традиция // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 77 – 82.

*«Демократия есть безнадежное искание
умершей воли народа»
Н. Бердяев*

В общественном сознании наблюдается характерный феномен: чем популярней та или иная идея, тем иллюзорнее ее истинный смысл. Взять, к примеру, такие категории, как «счастье», «достоинство», «любовь», «смысл жизни» и проч. Как правило, применительно к ним невозможно выработать универсальных определений, а те, что предложены, страдают односторонностью и неполнотой. В политико-правовой жизни к такого рода феноменам можно отнести «гражданское общество», «правовое» и «социальное» государство, «федерализм» и, безусловно, «демократию».

А. А. Гусейнов, анализируя состояние общественно-политического дискурса вокруг понятия «гражданское общество», метко подметил: «Это ускользающее мерцание смыслов нельзя считать просто следствием интеллектуальной беспечности. Оно функционально и функционально именно тем, что является ускользающим... Никто не может сказать толком, что такое гражданское общество, но все знают, что это хорошо. За гражданское общество, как и за мораль, культуру, процветание России и тому подобные высокие цели, стоят все: от либералов-западников до коммунистов. Понятия такого рода содержат огромный демагогический потенциал, и применительно к ним речь следует вести не столько о том, что

они выражают, сколько о том, что они скрывают (прикрывают, искажают)» [1, с. 23].

Затруднения практического свойства возникают тогда, когда встает вопрос об уточнении истинного смысла тех или иных понятий и определении конкретных институциональных форм воплощения в реальную жизнь таких концептов, как «подлинный» федерализм, децентрализм и конституционализм, или же «настоящая» демократия.

Другая особенность общественного сознания заключается в том, что людям свойственно идеализировать объект своего пристрастного внимания. Политико-правовые идеи западноевропейского либерализма (правового государства, разделения властей, народного суверенитета, демократии и проч.) подверглись сакрализации в эпоху Просвещения во второй половине XVIII столетия. Появились первые писанные конституции (США, Польша, Франция, Норвегия и др.), основанные на этих идеях. Правда, по прошествии незначительного времени выявились серьезные изъяны общетеоретического и формально-логического свойства, которые заставили представителей передового западноевропейского и российского государствоведения подвергнуть их серьезному сомнению и критике.

Причем именно русские государствоведы выявили системный кризис основополагающих идей, которые на протяжении более чем двух веков служили путеводной звездой в государственно-правовом и политическом развитии западной цивилизации и в какой-то мере России. «Правовое государство в том виде, как оно возведено

было Французской революцией, – писал П. И. Новгородцев, – перестает быть предметом безусловного поклонения, и самое право, как соиздательное начало общественной жизни, лишается того ореола всеисцеляющего средства, которое оно имело в глазах поколений, воспитанных на преданиях Французской революции. Чем было для них право и правовое государство? «Земным богом», «высшей целью всемирной истории». Чем является оно для нашего времени? – «этическим минимумом», ... «гусиным вином социальной жизни, aqua ordinaria» [2, с. 22].

В числе основных разочарований, постигших Европу XIX столетия, оказались обнаружившиеся недостатки парламентаризма, всеобщего избирательного права, референдума, невысокая результативность декларировавшихся социальных преобразований и проч. Опыт применения демократических институтов показал, что каждое из этих средств имеет лишь относительное значение. В действительности все сопряжено с неизбежными затруднениями и недостатками. «Потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства. Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни» [2, с. 33].

На «удивительной» бессодержательности и бедности просветительских идей, выявляющихся при их формально-логическом анализе, настаивал С. А. Котляревский: «Это ли плоды творчества великих мыслителей? – восклицал он. – Если взять область государства..., как беден, например, чисто логический состав таких положений, как разделение властей, народный суверенитет, права человека и гражданина» [3, с. 2 – 3].

По мнению Н. Н. Алексеева, западная система представительной демократии есть не что иное, как фикция, создающая иллюзию того, что управляемый через депутатов народ как бы самоуправляется. «Для оправдания этой фикции утверждали, что собрания депутатов являются как бы народом в миниатюре. Однако все эти образы и сравнения не обладают ровно никакой реальностью. Собрания депутатов в действительности являются не миниатюрной копией народа, а тем правящим властным органом, который стоит во главе демократического государства» [4, с. 355].

Как видим, по отношению к демократии разброс подходов и оценок чрезвычайно широк – от безусловного признания ее в качестве общественного идеала и вершины политического развития [5, с. 94 – 95, 115] до полного неприятия ее как перспективной модели государственности. Последнее в первую очередь касается либеральной демократии и ее крайней, выхоленной формы – «формальной» демократии. В свое время И. А. Ильин подвергал жесткой критике именно модель формальной демократии, которая опирается на механическое понимание государства. В отличие от органического механическое воззрение видит в человеке, прежде всего, «инстинктивную особь, имеющую свои «желания» и «потребности»; поэтому каждый должен иметь в государственных делах равное право голоса; «сколько людей, столько равных голосов»; «что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает»; «поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать» [6, с. 41 – 42]. Такое формальное и количественное понимание государства, по убеждению И. А. Ильина, ставит его

судьбу в зависимость от того, как и чем заполняется та содержательная пустота и то «безразлично-беспризорное качество», которые предоставляются людям формально «свободою». Государство и правительство суть лишь «зеркало» или «арифметическая сумма» того, что делается в душе и в правосознании человеческой массы. «Государство и правительство обязаны обеспечивать народу свободу соблазняемости, а разлагателям и предателям – свободу соблазнения; естественно, что очередное голосование подводит итоги успеху обеспеченного соблазна... Это означает, что формально-количественное понимание государства открывает двери настежь всем политическим авантюрам, переворотам и революциям, что мы и наблюдаем из года в год» [6, с. 44].

Следует отметить, что в европейской (в том числе и российской) философской и юридической литературе XIX и первой половины XX в. доктрина демократии, равно как и идея народного суверенитета, была подвергнута подробнейшему критическому анализу. Удивительно, что эти научные данные выпали из поля зрения современного российского государствоведения [7, с. 10 – 17]. Прямой «транзит» политико-правовых идей Европы середины XVIII в. в Конституцию России 1993 г., минуя почти двухвековой опыт «перемалывания» демократических институтов, мог состояться именно по причине отсутствия подготовленной для их адекватного восприятия почвы. Поэтому и политическая, и избирательная системы современной России как бы повторяют в своем развитии те же ступени восхождения в осознании смысла демократии, которые на Западе уже пройдены.

В современном восприятии идеи демократии можно выделить следующие характерные тенденции.

1. В традиционном, классическом понимании, зародившемся еще во времена Платона, Аристотеля, Сенеки, демократия трактовалась в качестве элемента формы государства – государственного режима (наряду с двумя другими элементами – формой правления и формой государственного устройства). Но в период Французской революции происходит переоценка смыслового наполнения понятия демократии. Как пишет современный немецкий политолог Б. Гуггенбергер, демократия становится понятием, отражающим сперва определенное направление мысли, позднее же – обозначающим направление и содержание определенного социального движения, его политические и общественные цели. «С этого времени демократия означает уже не только некую общественную структуру, альтернативно противостоящую монархии и аристократии, но становится одновременно и философско-историческим шифром в социологии власти, кодом как для целого ряда либерально-буржуазных требований автономии и соучастия в принятии решений, так и для идей и устремлений к социальному равенству. Концепция демократии превращается в главную движущую силу, сущностный элемент, имманентный всему развитию социальных структур» [8, с. 138].

Именно в таком всеохватном контексте сегодня трактуется демократия в отечественной литературе по конституционному праву. В изложении П. А. Астафичева демократия предполагает политическую свободу, широкое общественное самоуправление, сочетание прямого народовластия и народного представительства, децентрализацию и разделение властей, а также организованную многопартийность, при которой не допускается долго-

временное нахождение одних и тех же политических сил в качестве правящих и оппозиционных [9, с. 19 – 23].

Более пространное определение демократии предложено В. В. Пылиным. Прежде всего, она по сложившейся традиции определяется как власть народа, форма политического строя, основанного на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан, выборности основных органов государственной власти и органов местного самоуправления. При этом современная демократия – это народовластие в правовом государстве, осуществляемое как самим народом, так и его государством с участием народа от имени народа, для народа и во имя народа. Демократия – это также процесс управления, формы, механизмы, процедуры, стиль деятельности, суть и содержание которых должны быть пронизаны признанием, соблюдением и защитой прав и свобод человека и гражданина, признанием принципов социальной справедливости, подчинения меньшинства большинству, защиты прав меньшинства, эффективного соотношения публичных, общественных и частных интересов. Демократические коллегиальный и коллективный механизмы управления должны пронизывать и насыщать демократическими методами стиль деятельности как органов государственной и муниципальной власти, так и политических партий, общественных объединений, иных некоммерческих организаций. В коммерческих и иных организациях, включая государственные и муниципальные органы, в которых установлено единоначалие, механизм управления должен сочетать в разумных пределах единоначалие с принципом коллективности руководства. При этом принцип извлечения прибыли не должен затенять принцип, утверждающий, что честь и достоинство дороже доходов. Помимо всего прочего, демократия и народовластие являются важнейшими механизмами радикального повышения эффективности на основе модернизации функционирования российской государственности, гражданского общества России, сбережения народа. Наконец, демократия должна выступать ведущим локомоторием модернизации страны во всех ключевых сферах ее жизнедеятельности [10, с. 16 – 20].

Вроде бы все к месту и не должно вызывать возражений. Однако такая впечатляющая характеристика рассматриваемого нами предмета не может не вызывать эффекта размывания «берегов» и системы координат, в пределах которых концепция демократии сохраняла бы операциональность, а ее институциональные формы (инструменты) – функциональность.

По аналогичному поводу А. Аузан, российский специалист по проблемам институциональной экономики, сделал интересное замечание. Как-то в ответ на вопрос одного из своих слушателей: «Что он понимает под государством в России в современном понимании этого слова?», – ученый ответил: «Дело в том, что у институциональных экономистов есть такое понятие – надконституционные правила. Экономисты в отличие от юристов считают, что неформальные правила, во-первых, есть, а во-вторых, они обычно сильнее формальных. Но ведь это относится и к правилам конституционного уровня. И если мы хотим нащупать самые мощные неформальные правила, то мы можем это сделать, в частности, таким способом. Мы можем найти слово, которое из этого языка очень трудно переводится на другие языки. Вот я утверждаю, что слово “государство” (а уж если слово

«держава», то вообще приехали) практически непереводаемо, потому что любой англоязычный человек скажет: вы что имеете в виду? Government, local government, parliament, state? Потому что «государство» – слово абсолютно мифологическое». Поэтому А. Аузан предпочитает в «правильном изложении» избегать термина «государство». «Поскольку в русском языке государство – это все, то и на вопрос, что может государство, естественный ответ: государство может все! И как относиться к государству, понятно – его можно только любить, потому что это все мы. Совершенно неоперационально» [11].

Вот и получается, что очень часто с точки зрения не только семантической, но и политико-правовой, а также практически-прикладной общественная дискуссия по поводу демократии выглядит как разговор обо всем и одновременно ни о чем.

2. Если просуммировать встречающиеся суждения о смысле наполнении содержания демократии, то они, по сути, сводятся к двум контекстам. В одном случае она рассматривается как цель общественного развития, общественный идеал, в другом – как метод, некая политическая или же управленческая традиция. Как уже отмечалось, зачастую рассуждения об общественных идеалах – это разговор, уводящий никуда. Как тут не вспомнить ироничное замечание выдающегося норвежского драматурга Г. Ибсена: «Пожалуйста, не употребляйте этого иностранного слова «идеал». Скажите просто, по нашему: «ложь» [12].

Предметную реальность демократия обретает лишь при рассмотрении ее в качестве устоявшихся, приобретенных характер традиций, принципов и подходов к решению управленческих задач либо принятию согласованных решений в условиях человеческой коллективности. Здесь правомерна позиция Й. Шумпетера. В его понимании демократия – это всего лишь метод, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений. «Отсюда – она не способна быть целью сама по себе, безотносительно к тем решениям, которые будут приниматься в конкретных обстоятельствах при ее посредстве. Это положение должно быть отправным пунктом любой попытки дать ее точное определение» [13, с. 118].

Следует при этом подчеркнуть, что у демократии как метода или же механизма должны быть определены зримые предметные (институциональные) границы. Будут ли они сконцентрированы на вопросах формирования органов публичной власти или же на различных моделях участия в принятии решений – дело политического выбора общества в конкретных исторических условиях. При этом должно быть понимание того, что в вопросах постановки целей общественного развития и использования методов их достижения демократия не является универсальным или же единственным инструментом. Наряду с нею могут быть задействованы и другие, более эффективные методы управления.

3. Как правило, генезис и эволюция демократии рассматриваются как дискретный в историческом развитии процесс, затронувший две исторические эпохи – фрагментарно античность (Древняя Греция и Древний Рим) и Новое время (со времени Французской революции) с переходом в Новейшее время и уже в перманентной форме. Иногда в исторической и историко-правовой науке упоминаются прецеденты потестарных проявлений демокра-

тического толка в догосударственную эпоху, получившие название первобытной демократии. Потестарность – форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших политических и государственных институтов и атрибутов. Потестарность как явление осуществлялась в деятельности родоплеменных и общинных властей (военная демократия, тайный союз, власть «больших людей». Если всмотреться глубже, то все указанные эпохи представляют собой звенья единой исторической цепи, на протяжении которой демократия, зародившись в условиях родоплеменной организации и получив повсеместное распространение в древних обществах Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии [14; 15, с. 23 – 178], претерпевала трансформационные изменения и обретала новые, более развитые институциональные (правовые) формы. Древнегреческая демократия и Римская республика не возникли ниоткуда и на них не снизошла благодать свыше. Этому закономерно предшествовал многовековой процесс становления демократических социальных институтов в догосударственную эпоху (выборность и сменяемость вождей, советы и народные собрания и проч.). Универсальный характер демократии обусловлен тем, что она была, остается и, видимо, еще долго будет оставаться единственным, хотя и достаточно несовершенным методом согласования воли и принятия коллективных решений. И в таком качестве она, так или иначе, была востребована во всех исторических эпохах и формах государства.

4. Обычно демократия рассматривается в качестве формы правления или же режима, альтернативного монархии, аристократии и олигархии. Этот подход уже давно нуждается в некоторой корректировке. Во-первых, даже в эпоху функционирования недемократических форм правления и политических режимов обнаруживается немало исторических фактов включения в механизм государства демократических институций, имевших отношение либо к способу формирования отдельных органов, либо к порядку принятия ими решений на мажоритарной основе (т. е. большинством голосов). Например, таковыми при абсолютной монархии в Европе являлись различные сословно-представительные или же высшие коллегиальные законосовещательные органы при главе государства (кортесы в Испании, генеральные штаты во Франции, парламент в Англии, сенат и государственный совет в России и т. д.). Во многих странах Европы (Англия, Германия, Италия) система местного самоуправления претерпевает определенную трансформацию, вызванную концентрацией монархом политической власти, но не угасает вовсе. Заметим также, что земская и городская реформы, проводившиеся в абсолютистской России в 60-х гг. XIX в. при Александре II, носили вместе с тем буржуазно-демократический характер. Во-вторых, как показывает опыт государственного строительства, качество демократии – именно как метода – в значительной степени зависит от состояния политической и правовой культуры, а также общецивилизационного состояния конкретного общества.

Касательно аристократии можно сказать, что она занимает промежуточное положение между монархией и олигархией и в чистом виде практически не встречаются. Элементы аристократической формы правления обычно

сливались с монархией или же с демократией, например, в тех же Древней Греции и Древнем Риме.

При этом известно, что тенденции олигархизации подвержена любая социальная организация. Теоретическое описание этого свойства, имманентного всем управленческим структурам, включая государство и политическую систему, легло в основу теории политических элит. П. И. Новгородцев степень отдаленности современных демократий от демократического идеала соотносил с вопросом о фактическом осуществлении народовластия. «И действительно, в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих» [2, с. 549 – 550]. В свою очередь Н. Н. Алексеев, подвергнув скрупулезному анализу эволюцию политических режимов и форм правления на всем протяжении мировой государственной истории, пришел к очень важному для взвешенной оценки сущности демократии выводу: «Фактически все известные нам государства были олигархиями и вообще не существовало никакого иного государства, кроме *олигархического*» [4, с. 545].

Принимая во внимание изложенное, еще раз вернемся к высказанному соображению о том, что механизм демократии может с определенными оговорками рассматриваться в качестве идеала. Подобно тому, как в качестве такового можно было бы рассматривать технически совершенное и немисливо дорогое транспортное средство элитного класса, скажем, «Мерседес». Между тем автомобиль – лишь техническое средство, решающее утилитарную задачу доставки людей, с большим или меньшим комфортом, в заданный пункт назначения. Причем в умелых руках оно – источник благополучия, в неумелых – источник повышенной опасности. Поэтому, говоря о демократии, как и о любой иной форме осуществления государственной власти, надо иметь в виду то важное обстоятельство, что именно человеческий фактор предопределяет ее качественные характеристики и пригодность к употреблению. И изначально заданных, универсальных, подходящих для всех обществ параметров демократии не существует. «Демократический строй, – писал И. А. Ильин, – далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы или «предпосылки»: если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает» [16, с. 34]. С данной позицией вполне согласуется и взгляд Й. Шумпетера: «Рационально обоснованная приверженность демократии, таким образом, предполагает не только наличие системы надрациональных ценностей, но также достижение обществом такого состояния, такой фазы своего развития, при которой демократия сможет приемлемо функционировать. Предложения о совершенствовании демократии лишены всякого смысла без ссылки на определенное время и конкретные обстоятельства» [13, с. 119].

Можно ли предположить, что когда-нибудь демократия воплотится в эффективно работающую систему положительной селекции политической элиты и управленческих кадров?

Со времен Платона этот вопрос остается неразрешенной философской проблемой.

Литература

1. Серегин Н. С., Шульгин Н. Н. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 12 – 50.
2. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань; С.-Петербург. ун-т МВД России, 2000. 352 с.
3. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: Тип. "Мысль" Н. П. Меснянкин и Ко, 1915. 419 с.
4. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Издательство АСТ, 2007. 588 с.
6. Ильин И. А. О формальной демократии // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: сочинения. М., 2006.
7. Ким Ю. В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы): монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 325 с.
8. Гуггенбергер Б. Теории демократии // Полис. 1991. № 4. С. 136 – 148.
9. Астафичев П. А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19 – 23.
10. Пылин В. В. Готовы ли россияне осуществлять свою жизнедеятельность на современных принципах демократии? // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 16 – 20.
11. Аузан А. Экономические основания гражданских институтов // Полит.Ру. 19.05.2004. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/05/19/auzan/>
12. Афоризмы. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/comments/mnou5gdznc.html>
13. Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия / пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
14. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. и ред. М. О. Косвена. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 350 с.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. 769 с.
16. Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: сочинения. М., 2006.

DEMOCRATIC IDEAL AND DEMOCRATIC TRADITION

Yuri V. Kim^{1, @}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya Street, Kemerovo, Russia, 650000

@ Yu_kim@mail.ru

Received 21.07.2016.

Accepted 28.09.2016.

Keywords: Democracy, state, policy, power, collectivity, ideal, tradition, purpose, method.

Abstract: The article represents an analysis of modern approaches to the understanding of the essence of democracy and tendencies of its development. As shown by scientific researches and concrete political practice, a lot of theories and approaches have been shaped regarding democracy. Still, no uniform doctrine or universal definition has been developed. It is explained by the exclusive complexity of democracy as a social, political and legal phenomenon. The author concentrates his attention on the characteristic of democracy as a method of management implemented in conditions of human collectivity. From this point of view, democracy acts as a unique mechanism of coordination of separate individual wills and adoption of collective decisions, a mechanism that was created in ancient society and has been reproduced by human civilization throughout its historical development. At the same time, there are no universal parameters of democracy which would be suitable at all times and for different societies. Quality of democracy and its real social value are defined by the level of civil maturity of a particular historical society.

For citation: Kim Yu. V. Demokraticeskii ideal i demokraticeskaja traditsiia [Democratic Ideal and Democratic Tradition]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 1 (2017): 77 – 82.

References

1. Seregin N. S., Shul'gin N. N. Grazhdanskoe obshchestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo («Kruglyi stol» zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Voprosy filosofii») [Civil society, legal state and law ("Round table" journals "State and law" and "Questions of philosophy")]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, no. 1 (2002): 12 – 50.
2. Novgorodtsev P. I. *Vvedenie v filosofiiu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniia* [Introduction to the philosophy of law. Crisis of modern sense of justice]. Saint-Petersburg: Lan'; S.-Peterb. un-t MVD Rossii, 2000, 352.
3. Kotliarevskii S. A. *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [The power and the right. The problem of the legal state]. Moscow: Tip. "Mysl'" N. P. Mesniankin i Ko, 1915, 419.
4. Alekseev N. N. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow: «Agraf», 1998, 635.
5. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Transl. Levin M. B. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2007, 588.
6. Il'in I. A. O formal'noi demokratii [About formal democracy]. Il'in I. A. *Pochemu my verim v Rossiiu: Sochineniia* [Why we believe in Russia: Essays]. Moscow, 2006.
7. Kim Iu. V. *Federativnaia gosudarstvennost': sushchnost', genesis, problemy razvitiia (teoretiko-metodologicheskie osnovy)* [Federated statehood: the nature, Genesis, and problems of development (theoretical-methodological foundations)]. 2nd ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009, 325.
8. Huggenberger B. Teorii demokratii [Theories of democracy]. *Polis = Political research*, no. 4 (1991): 136 – 148.
9. Astafichev P. A. *Demokratiia kak osnova doktriny konstitutsionalizma i kon-stitutsionnogo stroia sovremennogo gosudarstva* [Democracy as the basis of the doctrine of constitutionalism and the constitutional order of the modern state]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = The Constitutional and municipal law*, no. 7 (2014): 19 – 23
10. Pylin V. V. Gotovy li rossiiane osushchestvliat' svoiu zhiznedeiatel'nost' na so-vremennykh printsipakh demokratii? [Are the Russians to carry out their vital functions in a modern democracy?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = The constitutional and municipal law*, no. 3 (2011): 16 – 20.
11. Auzan A. Ekonomicheskie osnovaniia grazhdanskikh institutov [Economic basis of civil institutions]. *Polit.Ru = Polit.Ru*, 19.05.2004. Available at: <http://polit.ru/article/2004/05/19/auzan/>
12. *Aforizmy* [Aphorisms]. Available at: <http://www.aphorism.ru/comments/mnou5gdznc.html>.
13. Schumpeter J. A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiia* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Ed. Avtonomov V. S. Moscow: Ekonomika, 1995, 540.
14. Morgan L. G. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Transl. and ed. Kosven M. O. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 350.
15. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works by Marx K., Engels F.]. 2nd ed. Moscow: Politizdat, vol. 21 (1961): 769.
16. Il'in I. A. *Predposylki tvorcheskoi demokratii* [Prerequisites creative democracy]. Il'in I. A. *Pochemu my verim v Rossiiu: Sochineniia* [Why we believe in Russia: Essays]. Moscow, 2006.